

Автор представлен членом Художественного совета **Ингой Сташевска**

Итак, воскресный день...

Итак, воскресный день махров и сер,
как твой халат, – и я немилосердно
рублю с плеча: прости меня, сосед
по метражу, гнетущему нас сельдью
под шубой быта, – я не из оседлых!
По крайней мере, в средней полосе, –

в культуре, породившей к слову «грусть»
десятка два синонимов. Как сложно
пробить корнями этот мерзлый грунт!
Ведь мы с тобой не липы и не сосны...
На том, что ты нелеп, а я несносна, –
закончим нашу брачную игру!

Кто мы друг другу? Впрочем, «...lupus est»,
коль смотрим в лес. Во мне хрестоматийно
остра «охота к перемене мест», –
и ты, мой брат, отыщешь ряд мотивов
послать сестру за тридевять, простив ей
кочевничьих кровей густой замес.

Что дальше? Утро. Граммы натошак,
диктуемые жанром, – как ни тошно...
Прошу тебя о двух простых вещах:
не провожай! Душа – не когтеточка.
Тебе – в спортзал, мне – на вокзал, и точка(...)

...а вздумаю писать – не отвечай.

Ялик

Яблочный Спас: шарлотка, бочонок сидра –
в августовском безвременье – как клепсидра
нашей беседе. В доме темно и сыро,
пахнет вагонкой липовой пустота.
Дождь, осмотрев чердак, обнаружил цитру –
звук ее побелочным стрептоцидом
сыплется с потолка, и – с пометкой «cito» –
в кончиках пальцев мается нежность, – став
нудным вязаньем, муторной чисткой яблок...
...дом под дождем похож на рыбацкий ялик:
кажется, отшвартуй его – и отчалит
в самую беспощадную из стихий...
Из корабельных сосен внахлест сколочен, –
боги, чего он чаёт душой челночьей?!
Что за улов ему уготован ночью?
Вряд ли об этом знают мои стихи...

Казань

Он был поэт, каких один на сотню.
Жена его осела в Миннесоте,
а он не смог: тянуло в курский лес.
Затем – Москва, – и новые высоты.
Его портрет поэзией был создан -
из апокоп, эпифор, катахрез...

Поджар и борз, как племенной уиппет,
он звал меня в Казань – «культурно выпить»:
«Решайся!» – губ манила новизна...
...в его «Рено» пиратский реял вымпел.
Был ром, был трюм – и я стонала «выпью», –
но вам об этом лучше бы не знать!

Потом – Москва, – и многия заботы:
муж, сын, ремонт – от кухни до субботы.
Звонил ли он? Да! Звал «на липтон-чай»!
Но то спортзал, то пьянка, то работа,
то зуб, то суп, то новый фильм про Бонда...
...kogda uviĵu? – skoro, ne ser4ai!

Он был... он – был! И вдруг его не стало.
В сети писали: канул с полустанка
под скорый Чебоксары-Элиста, –
и – в добрый путь! – махали «шорт-листами»...

..я из стихов его сложила стаю
японских журавлей... вру! – сотни стай –
прилежной душой – с дружественных лоджий
подбрасывала в синь... но было б ложью,
что ветер их подхватывал, сказать...
Нет! Ветер их ронял к ногам прохожих.

Он снится мне. Он прежний, но моложе
меня. Зовет в нездешнюю Казань.

Согласование времен

В городе, где осень – как вердикт
тем, кто на зубок не затвердил
вольную поэзию вокзалов,
будешь ты, Емеля, воцарен,
выудив из фляги с вискарем
щуку, чье веленье – отказаться
от гражданства прочих рыбьих царств.
Ветру сдашь обратный свой плацкарт,
подарив окурок и мобильник
льстивейшей из луж, но сказка – ложь:
прямо ли, направо ли пойдешь –
не отыщешь яблоч молодых,
записную книжку теребя,
в городе, что позабыл тебя...

...во дворе, где быт досадно замер
за окном, в квадрат возведшим мрак,
заскрипишь качелями, дурак,
самому себе не сдав экзамен
по согласованию времен.
Липы вздрогнут и стряхнут ворон
нарезать круги над проходимцем,
чей-то призрак вызвав на балкон,
над которым небо – как бойкот
беглецу, что вздумал возвратиться.

Нацарапав тщетное «прости»
на двери подъезда, угостишь
стылой шаурмой потомка Альмы.

Как у Блока, скомкают финал
ночь, аптека, улица, фонарь...

...и такси до площади вокзальной.

Ностальжи

То ли явь, то ли сон: в болоньевых спин строю –
стеклотарой, макулатурой – сдаю, сдаю
маету свою, перехваченную бечевкой,
пустоту свою, переложенную тряпьем, –
и, как в детстве, горжусь, что выполнила объем...
но едва ли гоюсь висеть на доске почета.

Я почти не читаю, разве что «Vogue» – в метро,
и курю тоже «Vogue», когда на душе мертво,
а бросаю курить – хожу по блошиным рынкам.
Тик да тик, – суетятся ходики, – так да сяк!
Я времен перестройки в сквере нашла пятак –
приложи к синяку, душа моя, – и смотри-ка:
я – как все! Я сварила суп и, включив ток-шоу,
мужу свитер вяжу... и все у нас хорошо:
ипотека, Форд Фокус, дочь... по субботам – к маме:
ой, не стоит ей знать про чертов синяк, про то,
что на «пей до дна!» отвечаю: «всегда готов!» –
и сквозь марево мчусь на ржавой, скрипучей «Каме»
за девчонкой из сна – туда, где зарыт секрет
под стекляшкой, где тает бабушкин силуэт
над шитьем... где тряпица алая – душит, душит...

...и гремит «You're my heart» по радио «Ностальжи»
из соседского гаража, и всерьез лежит
обретенный пятак под влажной от слез подушкой...

перебрала

нет мне не светит петь с тобой на равных
но и не стоит пить с толпой на равных
такой надрыв а я в колготках рваных
печаль моя не то чтобы светла
и пиво расплескалось по коленям
июль а вот возьму и околею
но кто-то теплый в свитере с оленем
пожалуй я слегка перебрала
но кто-то трезвый с комплексом героя
весь вечер за меня стоит горою
покуда я над вымыслом горюя
бедром бедру о чем-то говорю
и лавочку как лодочку качает
он требует кончай и я кончаю
о этот куст жасмина за плечами
пообещай мне шуберта и брют
но кто-то дерзкий думает иначе
и пачка вог и туфли от версаче
и спины опоздавших на раздачу
любить обнять и плакать над тобой
и где-то на мгновенье показалось
ушла гулять а маме не сказалась
скорей скорей на площадь трех вокзалов
гори моя звезда а я домой